

Добыкина Ася Алексеевна

РОЛЬ РЕЛИГИИ В РАЗВИТИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается значение религии в становлении и развитии этнического самосознания личности как на современном этапе, так и ретроспективно. Вероисповедание является одним из важнейших компонентов этнонационального самосознания. Автор приводит примеры различных типов развития отношений этнического и религиозного компонентов в формировании национальных идеологий, анализирует значение религии в сохранении этнической уникальности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/9-2/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (59): в 2-х ч. Ч. II. С. 68-72. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 141.201

Философские науки

В статье рассматривается значение религии в становлении и развитии этнического самосознания личности как на современном этапе, так и ретроспективно. Вероисповедание является одним из важнейших компонентов этнонационального самосознания. Автор приводит примеры различных типов развития отношений этнического и религиозного компонентов в формировании национальных идеологий, анализирует значение религии в сохранении этнической уникальности.

Ключевые слова и фразы: этнос; религия; этническое самосознание; национализм; этническая консолидация; этноконфессиональная общность; этническая сепарация.

Добыкина Ася Алексеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет
asienda@yandex.ru*

РОЛЬ РЕЛИГИИ В РАЗВИТИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ©

Статья написана при поддержке гранта РГНФ 13-03-00429 «Концептуализация “Homo aestheticus” в современной эстетике», руководитель д.ф.н., проф. Б. Г. Соколов, СПбГУ.

Начнем с определения основных для данной темы понятий. Этнос – исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая общность людей, обладающая относительно стабильными особенностями культуры и ментальности, а также самосознанием, т.е. осознанием своего единства и отличия от других групп. Религию можно определить как комплекс переживаний и действий, основанных на вере в существование сверхъестественного мира. Указание на религиозную принадлежность верующей части народа в любом этнографическом описании свидетельствует, что религия воспринимается исследователями как важнейшая характеристика этноса, наряду с языком и культурой, как фактор его групповой солидарности и самоидентификации.

Однако в условиях мультикультурного сосуществования этническая идентичность перестает быть заданным, наследуемым вместе с языком и вероисповеданием фрагментом самосознания. Вопреки, казалось бы, самоочевидной истине, провозглашающей традицию основной категорией этничности, в обществе постсовременности этничность стала тем, что выбирают, создают заново, а традиции, якобы лежащие в ее основе, представляют собой новейшие реконструкции. Этническое самосознание либо рождается в результате ментального усилия человека и его окружения и становится символическим капиталом личности, либо сохраняется в рудиментарном состоянии в виде этнофобий и стереотипов. Значение религиозного компонента в развитии этнического самосознания невозможно более описывать в категориях стабильности и однозначности.

Роль религии в становлении и развитии этнического самосознания характеризуется, с одной стороны, сложностью вычленения собственно религиозного из этнического, а с другой, трансформацией формы и содержания религии в процессе секуляризации и глобализации. Разочарованию в институализированном откровении противопоставляется собственный духовный опыт. Большинство традиционных религиозных организаций вступает в связь с политиками, активно участвует в экономической жизни, что дискредитирует их в глазах сторонних наблюдателей. Обмирщение неуклонно снижает их духовный авторитет. Рутинизация религиозной жизни влечет за собой формализм и бюрократические издержки, удаляя духовенство от жизненных чаяний паствы. Тем не менее, значение религии не уменьшается благодаря несинхроничному цивилизационному развитию народов, а также активизации многообразных форм фундаментализма и развитию новых нетрадиционных движений. Возникают транснациональные конфессии (в том числе нетрадиционные), отражающие столкновение и синтез культурных традиций Востока и Запада. В связи с этими изменениями возрастает значимость как коллективного, так и индивидуального выбора, то есть сознательного принятия решений в отношении этнического и религиозного самоотождествления. «Попадание» в результате такого выбора в ячейку той или иной конфессии оказывается трудно предсказуемым [6].

Для понимания доли участия религии в становлении и развитии этнической идентификации и самоидентификации необходимо рассматривать не только опыт современности, но и обратиться к примерам прошлого. Если исходить из примордиалистской концепции изначальности этноса, то наиболее гармоничные отношения между этническим сознанием и религией были на стадии родоплеменного строя: каждое племя имело своих богов, верить в них было также естественно, как ощущать кровную связь с родичами. Боги-предки, боги-животные, боги-духи лесов, болот, полей были удобопонятны, почти осязаемы, опыт общения с ними достоверен. Иначе, как тоской по первобытному единству, нельзя объяснить обращение русских неонацистов к язычеству. Исповедование религии далеких предков представляется им наиболее соответствующим их этнической идентичности. Христианство рисуется как враждебная Руси семитская вера, разделившая единую арийскую семью на католиков, протестантов, православных. До христианизации Русь была великим государством, утверждают неоязычники, а христианизация – причина всех бед русских. Возрождение этнического самосознания в виде попыток реставрировать элементы народной культуры вызывает также реставрацию племенных верований (язычества).

В основе нациостроительства всегда лежит тенденция к свертыванию первичного религиозного плюрализма, переход от язычества к монотеистическим религиям. Долговечность и прочность нарождающегося государства зависит от того, как скоро конгломерат образующих его племен превратится в единый этнос. Сохранение племенных культов препятствует этому процессу, а введение единой для всех религии, наоборот, способствует преодолению племенной замкнутости и разобщенности [3, с. 23]. В таком случае религия служит средством ассимиляции, растворения различных этносов в государстве. Единство вероисповедания является зримым выражением более растянутого во времени, а потому сложнее поддающегося наблюдению этнообъединительного процесса. Конечно, этот процесс будет протекать успешнее в случае, если между народами изначально существует культурная и языковая близость.

Как правило, этносы в результате принятия мировой религии ассимилируются. Но может возникнуть и мегаэтноконфессиональная общность, где каждый народ, исповедуя общую религию, сохраняет историческую память о своем особенном происхождении. Индуизм является подобной мегаэтноконфессиональной общностью, объединяющей сотни миллионов людей различного этнического происхождения. Для большинства мусульман Кавказа приверженность исламу является преобладающей групповой идентичностью, в значительной степени сглаживающей их этнические различия. Принятие православия способствовало формированию мегаэтноконфессиональной общности народов Российской империи (православными в России являются – кроме славянских народов – большинство верующих карелов, коми, марийцев, мордвы, осетин и др.).

Помимо собственно политических целей, унификация верований, принятие религии «со стороны» имеет культуросозидающее значение и, как правило, способствует выходу этноса на новый, более высокий уровень самосознания. Так, уничтожение Униатской Греко-Католической Церкви на территории современной Белоруссии в 1839 г. можно расценивать как ущемление прав этнорелигиозного меньшинства. Однако именно насаждение православия способствовало выделению белорусского народа из польско-литовской общности, освобождению от польского доминирования, что привело к созданию белорусской письменности и оригинальной культуры, стимулировало зарождение литературных традиций, способствовало повышению самооценки белорусской культуры.

Обращение и создание новых Церквей обеспечивает канал влияния государства-миссионера в государстве-неофите. Однако от этого выигрывают и народы-реципиенты. Миссионеры создают для них письменность, открывают школы, врачебные пункты; происходит запись произведений национальной словесности, что способствует формированию этнического самосознания. Например, на Мадагаскар, где были сильны традиционные анимистские верования, христианство принесли миссионеры из Великобритании, Франции, Норвегии. Они создавали школы, где наряду с общеобразовательными дисциплинами преподавались ремесла и рукоделие; строили типографии, издавали книги и учебники на малагасийском языке; занимались исследованием Мадагаскара, его обычаев и фольклора, начали подготавливать священство из местных, что способствовало формированию интеллигенции. Эти малагасийские интеллигенты часто являются учителями, пасторами и проповедниками, а также исследователями в одном лице. Пасторы-малагасийцы не только ведут службу и преподают, но и, в силу своей образованности и высокого авторитета, постоянно оказываются в центре социально-политических событий; в период свержения колониального режима они вместе с прихожанами участвовали в национально-освободительной войне [5]. Принятие вероисповедования более развитых в цивилизационном отношении народов инициирует становление этноса как социально зрелой общности, готовой в дальнейшем к созданию собственной религиозно-ценностной системы.

Исследователи полагают, что доктрина национальных государств могла зародиться только в недрах христианской культуры. Ислам, напротив, подчеркнуто надэтничен (что, возможно, связано с принципиальным равнодушием ислама к культурному разнообразию). Популярность ислама в XXI в. связывают с тем, что в его основе лежит тяготение к восстановлению общинной идентичности в противоположность индивидуалистической или национальной идентичности. Национально-государственная принадлежность для мусульманина менее значима, чем его принадлежность к умме. Фундаменталистские движения на Ближнем Востоке рассматривают современные государства как результат искусственного разделения уммы колонистами. Одной из политических целей уммы ставится создание единого исламского государства, что должно сопровождаться ликвидацией тех форм власти и миропорядка, которые находятся в конфликте с Аллахом и его пророком. Основной задачей исламского фундаментализма является изменение места и роли религии в жизни общества. Экстремисты отвергают конституционное устройство светских государств как не соответствующее нормам мусульманской религии. Они добиваются создания исламского теократического государства на основе шариата и восстановления халифата в качестве мирового объединения мусульман [4, с. 288].

Необходимо отметить, что, несмотря на постулируемое транснациональное направление, сегодняшний исламский ренессанс в Средней Азии возник в контексте открытого утверждения национальной идентичности. В среднеазиатском регионе этот процесс был связан с возвращением к истокам – исламу и исламской культуре. Религиозный ренессанс в этом смысле глубоко национален, он является одним из аспектов обретения заново национальной идентичности [7, с. 323].

Воздействие мировой религии на национальную доктрину зависит не только от собственно вида религии (индуизм, буддизм, христианство, ислам), но и от конфессиональных различий внутри религии. Справедливо и обратное: не только религия формирует этнос, но и местная культура воздействует на религию. Комплекс религиозных идей и обрядов, практикуемых определенной этнической группой, неминуемо приобретет черты национального своеобразия. При формировании этноконфессиональной общности особенности вероучения

тесно переплетаются с этнической спецификой культуры народа: этнические свойства становятся составными элементами религиозного культа и, напротив, отдельные элементы последнего приобретают характер этнических признаков. Процесс «национализации» религии может сопровождаться сохранением части традиционных религиозных представлений (феномен двоеверия). Этнос натурализирует религию; религия приобретает национальные черты, культ усваивает местные обряды. В результате страдает догматическая чистота религии. Благодаря этнизации увеличивается популярность религии среди данного народа, но одновременно увеличивается и возможность ее неортодоксальной трактовки [1, с. 14].

Подобный этнорелигиозный симбиоз оказывает наибольшее влияние на политические процессы и развитие культуры. Национальность и религия не только проникают друг в друга, но и обоюдно создают друг друга. Несмотря на то, что христианство имеет общепризнанный статус мировой религии, никакого абстрактного, единого христианства не существует и никогда не существовало. Исламская традиция также имеет значительный заряд плюрализма. То, что подразумевают под исламом сами мусульмане, зависит от конкретного контекста. Все они ощущают бремя собственных исторических традиций, которые и определяют не только их отношение к исламу, но также и то, какие институциональные формы эта религия принимает в обществе и какую роль играет в построении социальной идентичности [7, с. 319].

Отличительной особенностью этноконфессиональной общности является постепенное снижение роли в ней религиозного компонента, подмена его понятиями традиции. Мало кто из современных среднеазиатских мусульман заботится о соблюдении запретов на употребление алкоголя и свинины. Приверженцы ислама характеризуют свой образ религиозной жизни как мусульманшылык, в буквальном переводе «мусульманскость» (или тазажол – «чистый путь»), а отнюдь не как «ислам». Сказанное справедливо и в отношении «русских православных» (данные переписи населения России подчеркнули слияние религиозной и национальной идентичности в сознании россиян, когда выяснилось, что «православных» на несколько процентов больше, чем верующих в Бога).

Принадлежность к религии превращается в показатель этнической идентичности, для артикуляции которой уже не требуется соблюдения религиозных правил. При обозначении номинально верующих, не исполняющих религиозных предписаний, часто используется лингвистическая конструкция «этнические христиане/мусульмане» и т.п. Религия выступает как один из дескрипторов этнического самосознания, очевидных для стороннего наблюдателя и позволяющих, таким образом, сделать определенные выводы об этнической принадлежности его носителя. Народ Эфиопии разделяется на харари (мусульмане-сунниты) и амхара (христиане), в Сербии быть православным означает быть сербом, боснийцем – мусульманином. Если брать пример из исторического прошлого, то в Речи Посполитой католичество служило маркером принадлежности к польскому этносу, а православие – к русскому. Во многих культурах, где религия продолжает оставаться главным фактором этноидентификации, конвергенция расценивается не только как изменение вероисповедания, но и как предательство семьи, народа, отказ от исторического наследия и культуры. Поэтому в традиционных обществах столь долго действовал и строго соблюдался запрет на смешанные браки. Для среднего культурного русского молодого христианина переход в бахаизм будет рассматриваться его единоверцами как эксцентричность или чудачество, в то время как переход в бахаизм шиита-азербайджанца немислим, поскольку перешедший в бахаизм азербайджанец перестанет быть не только мусульманином, но перестанет быть азербайджанцем. Говоря о так называемых новых религиозных движениях в России, можно с большой уверенностью сказать, что их субъектом окажется в основном русское, а не тюркское население [6].

Другим значительным фактом «натурализации» религии оказывается ее значение в освящении, придании сакрального статуса институтам власти. Национализм приобретает полную силу в эпоху секуляризации, исповедуется же он с поистине религиозным пылом. Из религии в политическую риторику перекочевала идея бессмертия, теперь понимаемая не как эсхатологическая перспектива, а как бессмертие своего народа. Подчеркивание важности национального языка напоминает о неприкосновенном положении языков сакральных текстов, а стремление к национальному самоопределению напоминает о тоске по земле обетованной, очищенной от иноэтнических элементов, враждебных по своей сути. На стадии секуляризации соблюдение первоначально религиозных по своей сути и происхождению обрядов становится демонстрацией лояльности государству, народу.

Тенденциям к унификации и растворению религиозного в национальном дискурсе всегда противостоят тенденции к сохранению этнокультурного своеобразия. И здесь религия также играет свою особую роль. В случае если этнос, войдя в состав государства, продолжает придерживаться собственного вероисповедания, религия способствует сохранению этноса как отдельной единицы внутри нации, которая воспринимается этносом как инородная. При отсутствии национальной государственности единственной возможностью сохранить себя как этнокультурную общность для этнических меньшинств является сохранение и развитие традиций своего народа, в первую очередь – «своей» религии. Религия помогает противопоставлять себя большинству и становится знаменем борьбы против иноверных, завоевателей, угнетателей (очевидна антиимперская направленность). Проиллюстрировать данное утверждение может история еврейского народа. Иудаизм – та религия, которая помогла выжить евреям в рассеянии. Народ в изгнании, которому запрещено вернуться на родину, либо постепенно исчезает, ассимилируясь, либо деградирует. Такова судьба многих изгнанных с родной земли этносов. Евреи стали единственным исключением из этого правила. Диаспора породила новые еврейские культуры. Внутреннее ядро каждой такой новой культуры неизменно оставалось отчетливо иудейским, но внешне она всегда перенимала главные черты той цивилизации-«хозяйки», внутри которой возникала. Неизменными оставались Яхве и монотеизм, в какое бы одеяние они не были наряжены – в греческую тунику, арабскую куфийю или американский пиджак [2, с. 157].

В условиях дисперсного расселения в диаспоре приверженность «религии отцов» позволяет мигранту сохранить свою особенность (со стороны принимающего большинства этот фактор воспринимается как препятствие для ассимиляции). Под давлением ассимиляционных процессов в российском мегаполисе у большинства мигрантов религиозность проявляется в стремлении освятить наиболее важные события в жизни общины (рождение, свадьба, смерть). Ритуалы перехода остаются подчас единственной возможностью обновить коллективные представления.

Если религия выбирается сознательно и отличается от верований основной части населения государства, то часто имеет место демонстративное противопоставление себя большинству. Принятие маргинального вероисповедания «запускает» процесс этнической трансформации, приводящий к сепарации части этноса от основного массива и превращению отделившейся части в самостоятельный этнос. Наиболее иллюстративным является пример татар, принявших христианство и настаивающих на признании их этносом, отличным как от татар, так и от русских. В истории русских религиозных движений также обнаруживается любопытный сюжет. Представители секты духоборов объявили себя особым народом, на вопрос о национальной принадлежности они отвечали, что считают себя духоборцами (самоназвание стало субэтнонимом). Длительное проживание на периферии Российской империи, замкнутость общины привели к тому, что духоборы стали действительно отличаться от основной массы русского этноса по ряду характеристик, в том числе и антропологически. Духоборы создали свою, очень своеобразную не только духовную, но отчасти и материальную культуру. Они отличались от окружения орудиями труда, типом жилища, предметами быта, одеждой. У них была устная литература, свой, в том числе и не религиозный, фольклор. Это признаки, позволяющие говорить о духоборах как о субэтносе. В случае с христианами-татарами и духоборами смена вероисповедания постепенно привела к осознанию себя другим, новым этносом. Осознание своей культурной и религиозной особенности в сочетании с негативным восприятием культуры и религии других народов объединяет представителей этноконфессиональных меньшинств и помогает им сохранять свою уникальность. То же самое можно сказать и о живущих в небольшом числе в России езидах, имеющих курдское происхождение, но сильно отличающихся от основной части курдов-мусульман по религии. Многолетние религиозные преследования привели к резкому обособлению езидов не только от курдов-мусульман, но и от других соседних этнических общностей и укрепили их этническую солидарность. Не случайно езиды были по просьбе представителей этого этноса выделены во Всероссийской переписи населения 2002 г. как отдельный народ. В Иране проживает этнос, в формировании которого решающую роль сыграла религия. Это «гебры», как называют мусульмане Ирана группу населения Персии, сохранившую после арабского завоевания свою религию – зороастризм. Несмотря на единый с персами-мусульманами язык и близкую культуру, они считают себя различными народами. Что же касается франкоканадцев, то они являются не этноконфессиональной группой канадцев, а отдельным, хорошо осознающим свою самобытность этносом. Это, в частности, показал проведенный в основной части Французской Канады референдум, когда всего несколько тысяч голосов (из миллионов голосовавших) не хватило для того, чтобы Французская Канада вышла из состава современного канадского государства. Характерно, что религия лучше поддерживает этническую идентичность франкоканадцев, чем даже такой важный фактор, как язык (если часть франкоканадцев подвержена языковой ассимиляции, то в конфессиональном отношении подавляющее большинство франкоканадцев верны католицизму) [1, с. 63-80].

Взаимодействие этнического и религиозного компонентов в самосознании отдельных людей и общностей демонстрирует вариативность развития их отношений. Религии оказывают различное воздействие на организацию этносов. Создание государства характеризуется тенденцией к религиозной унификации, что проявляется в принятии транснациональной религии. Единство вероисповедания в данном случае является необходимой частью этнообъединительных и ассимиляционных процессов. Сохранение приверженности древним верованиям либо исповедание маргинальной религии может стать средством сохранения малого народа как отдельного элемента или, в некоторых случаях, способствует созданию новой этнической общности. Элементы древних верований и традиций продолжают существовать в теле национальной культуры, вызывая изменение, а порой и искажение первоначальной доктрины и способствуя формированию уникальной этнорелигиозной общности. Роль религии в развитии культуры этноконфессиональной общности характеризуется постепенным снижением значения собственно религиозного компонента, подменой его понятиями традиции. В том случае, если религия продолжает считаться основным фактором идентификации, смена вероисповедания означает изменение национальности. В конечном итоге выделение в самосознании личности собственно этнического компонента из всего комплекса этнокультурных и конфессиональных факторов становится крайне трудно потому, что этнос нам дан как нечто вторичное, как конечный результат взаимодействия всех элементов этого комплекса [6].

Список литературы

1. **Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания** / ред. кол.: М. П. Мчедлов (отв. ред.), Ю. А. Гаврилов, В. В. Горбунов и др. М.: Культурная революция, 2007. 400 с.
2. **Даймонт М.** Евреи, Бог и история: монография / пер. с англ. М.: Имидж, 1994. 542 с.
3. **Корневский А.** «Новый Израиль» и «Святая Русь»: этноконфессиональные и социокультурные аспекты средневековой русской ереси жидовствующих // Конфессия, империя, нация: религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. М.: Новое издательство, 2012. С. 15-36.
4. **Мамаладзе М. С.** Ислам и современные мирополитические процессы // Вестник СПбГУ. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. Вып. 2. Ч. 1. С. 285-289.

5. **Мосейко А. Н.** Распространение христианства на Мадагаскаре и его взаимоотношения с традиционными верованиями // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 6. С. 94-105.
6. **Пятигорский А. М.** Этнос или религия? [Электронный ресурс]. URL: <http://prometa.ru/archive/csi/5/4> (дата обращения: 03.05.2015).
7. **Халид А.** Постсоветские судьбы среднеазиатского ислама // Конфессия, империя, нация: религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. М.: Новое издательство, 2012. С. 316-346.

ROLE OF RELIGION IN DEVELOPING ETHNIC SELF-CONSCIOUSNESS OF PERSONALITY

Dobykina Asya Alekseevna
Saint Petersburg State University
asienda@yandex.ru

The article examines the importance of religion in the formation and development of the ethnic self-consciousness of a personality, both at the modern stage and retrospectively. Confession is one of the most important components of ethno-national self-consciousness. The author provides examples of different developmental types of the relations of ethnic and religious components in the formation of national ideologies, analyzes the importance of religion in preserving ethnic originality.

Key words and phrases: ethnos; religion; ethnic self-consciousness; nationalism; ethnic consolidation; ethno-confessional community; ethnic separation.

УДК 141.132

Философские науки

В данной статье рассматривается проблема взаимоотношений классической рациональности и неклассического разума как двух историко-логических формаций. Автор считает, что историческая ретроспекция над формами и структурами рациональности является конститутивной установкой разума. Классическая форма ретроспекции определяется логикой снятия, неклассическая историческая рефлексия – логикой дополнительности. Исходя из этого, становится возможным разрешение проблемы соотношения двух формаций рациональности на основе диалогического общения.

Ключевые слова и фразы: классическая рациональность; снятие; неклассический разум; принцип дополнительности; коммуникативная установка; диалогическое Целое.

Дубровских Александр Александрович
Воронежский государственный педагогический университет
dybrowskyh@mail.ru

КЛАССИЧЕСКАЯ ЛОГИКА СНЯТИЯ И НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ЛОГИКА ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ©

Естествоиспытатели в области физики микромира столкнулись с объектом, исследование которого было сопряжено с невозможностью применения классических методов наблюдения. Стало очевидным, что необходимым требованием, предъявляемым к наблюдению, является соотнесенность с онтологическим измерением объекта, с его размерностью. Разработка теоретических основ наблюдения объектов микромира выявила необходимость учитывать вовлеченность субъекта в процесс наблюдения. «Неизбежное взаимодействие между объектами и измерительными приборами ставит абсолютный предел для возможности говорить о поведении атомных объектов как о чем-то, не зависящем от средств наблюдения» [7, с. 42]. Размерность объекта макромира делает ничтожным значение субъективного вмешательства, и классическая научная онтология закономерно исходила из того, что поведение наблюдаемого объекта не зависит от средств наблюдения. Если классическая установка основывалась на том, что присутствие наблюдающего субъекта и его воздействие на наблюдаемый объект бралось за скобки, то наблюдение объектов микромира, напротив, показало необходимость присутствия субъекта в процессе наблюдения. Конститутивным требованием неклассической научной онтологии стала необходимость вписать опыт наблюдающего субъекта в онтологическую структуру мирового Целого. Данное онтологическое допущение является одним из важнейших следствий принципа дополнительности, определившего логику неклассического разума. «Сформулированный Н. Бором в связи с интерпретацией квантовой механики принцип дополнительности имеет универсальную значимость», – утверждает В. Н. Порус [Там же, с. 71]. В подтверждение его слов можно отметить то, что Н. Бор находил прямое соответствие между наблюдением в области физики микромира и наблюдением в таких гуманитарных науках, как психология и этнология: «При изучении культур первобытных народов этнологи не только отдают себе отчет в риске испортить такую культуру неизбежным контактом, но и встречаются,